Добрыня и Калин-царь

У той ли у турицы златорогоей,
Были у ей дети малые.
Выходят дети вон на улицу,
Выходят они из черна шатра.
Скоро они заходят во черной шатёр,
Говорят своей матери родимоей:
«Уж ты ой еси, мать наша родимая!
Уж и та турица златорогая,
Над стольным заря зачинаетца,
Восходно красно солнце подымаетца». —
«Врите, мои дети все любимые,
То не утрення заря зачинаетца,
Не восходно красно солнце подымаетца —
То выходит пресвята мать Богородица,
Она слышит над городом невзгодушку,
Видит: будет над стольным безврем́еньицо».
И немного поры-время миновалосе,
Подступал нонче собака Калин-царь,
Он одиннадцать прошел земель сильныих,
Под двенадцатой подходит стольной Киев-град.
Не видно восходна красна солнышка
От ихна пару от поганого —
Ясну соколу в вешной день не о́блететь,
Рыскучу зверю в осенню ночь не обрыскать,
Ни часту дожжу эту силушку не примочить.
Был у его богатырь Игнатий сын Иванович.
Он призвал его во черны́й шатёр,
Написал он ему ерлык-скору грамотку,
Он не красками печатал, не печатями,
Он печатал, собака, красным золотом.
Поехал Игнатий в стольный Киев-град,
Едет Игнатий дорогой прямоезжеей,
Прямоезжей дорогой, малоезжей,
Едет Игнатий и роздумыват:
«Мне дорогой ехать — мне не честь-хвала,

Мне не выслуга будет богатырская».
Он и ехал стороной — не дорогою,
Он в ограду заезжал не ворóтами,
Он скакал через стену городовую,
Через высоку ту башню наугольную.
Скакал тогды он со добра коня,
Он оставил коня неприказана,
Неприказана коня, непривязана:
«Никому до моёго коня дела нет».
Идет Игнатий на красно крыльцо,
Его лесенки дубовые сгибаютца,
Вереюшки точеные шатаютца.
Заходит Игнатий в гридню светлую,
Во те палаты княженецкие,
Он и Богу не молитца и челом не бьет,
Кланяетца он на все четыре стороны,
Владымиру с княгинёй — на особину,
Он мечет ерлык на дубовой стол,
Поклон тогда вывел и скоро вон пошел.
Говорил тут солнышко Владымир-князь:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич-блад!
Ты ломай-ко печати все поганые,
Читай-ко ерлык-скору грамотку,
Ты читай, Добрыня, не упадывай,
Ни единого словечка не утаивай».
Он сломал все печати те поганые,
Стал читать он ерлык-скору грамотку:
«Подошел к нам собака Калин-царь,
Он одиннадцать прошел земель сильныих,
Под двенадцатой подходит стольной Киев-град,
У нас ладит все монастыри под дым пустить,
Пресвяту мать Богородицу в ногах стоптать,
Вседержителя Спаса — на поплáв рекú,
Ладит всю худшую силушку повырубить,
Ладит лучшую всю силушку повыгонить.
Ешше просит от нас собака сто возов:
„Помрет, говорит, моёй силы много с голоду“.
Ладит князя Владымира в котле сварить,
А княгину мать Апраксию взять в супружество».

Тогда упал Владымир на кирписчат пол,
Лежит Владымир три часа мертов.
Проснулса солнышко Владымир-князь —
Стал писать Владымир скору грамотку:
«Пусть он даст нам строку хоть на три годика,
На три годика не даст, дак хоть на три месяца,
На три месяца не даст, дак хоть на трои суточки,
Нам покаятца в городи да подладитца».
Старого тогды дома не случилосе.
«Кабы был, говорит, у меня старой, дак — дума крепкая,
Кабы был у меня старой, дак — шуба теплая,
Кабы был у меня старой — дак рука правая».
Приготовил ерлык-скору грамотку,
Отправил Добрынюшку Микитича
Ко тому ли собаке царю Калину.
Седлал Добрынюшка Микитич-блад,
Седлал своего коня доброго.
Берет с собой палицу буёвую,
Берет с собой саблю вострую,
Новую саблю, необновлену,
Берет свое копейцо бурзомецкое.
Садилса Добрыня на добра коня,
Повез он ерлык-скору грамотку;
Выезжал он на горы на высокие,
На те ли на щелы неукатисты,
Смотрит он в трубочку подзорную,
Он смотрит рать-силу великую.
Сидит Добрыня, прироздумыват,
На своем Добрыня на добром коне:
«Не думой было это нашей принадумано,
Не белыма руками приобделано».
Приезжат близко к силушки великоей
И говорит Добрыня таковы слова:
«Уж ты ой еси, тотара немило́сливы!
Дайте мне дорожку до черна шатра,
У меня, говорит, коничёк молодинькой,
Первопутная лошадка, неученая,
Погубит много вас, душ безвинныих».
Не дают ему дорожку до черна шатра.

Тогда он берет палицу буёвую,
И поехал он по силушки великоей:
Во праву руку махнёт — дак лежат улицей,
Во леву повернет — переулками.
Добилса Добрыня до черна шатра,
Скакал со своего коня доброго,
Он берет с собой саблю вострую,
Роспахнул у шатра полу правую,
Заходит Добрыня во черный шатер:
«Уж ты здраствуешь, батюшка наш Калин-царь,
Я привез тебе хлеба сто возов
И закуски тебе друга́ сто возов».
Он махнул своей саблей востроей,
Саблей новоей, необновленной,
И ссек у его со плеч голову.
Поехал он назад в стольной Киев-град
По той ли силы по великоей;
Во праву руку махнет — лежат улицой,
Во леву повернёт — переулками.
Он увидел своих русскиих богатырей —
Секут они рать-силу великую;
Секли они трои суточки,
Не пиваючи, не едаючи,
Своим добрым коням отдо́ху не даваючи.
Они вырубили всю рать-силу великую,
Не оставили живой души на се́мена,
И поехали тогда в стольной Киев-град,
Столовали они трои суточки
И трои же сутки просыпалисе.

(Зап. Леонтьевым Н. П.: 1 июня 1938 г., д. Лабожское Нижнепечорского р-на — от Тайбарейского Василия Петровича, 73 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.